

СЕКЦИИ 7 ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

МЕРА СМЫСЛА В ДРЕВНЕ-ИНДИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Боярин М.Ю., магистр филологических наук, аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ

Грамматическая система Панини состоит из двух уровней – семантико-синтаксического и морфо-фонемного [1]. Правила Панини описывают образования слов и высказываний как последовательность операций, предписывающая форму при условии смысла. Терминология Панини разделяется на формальную и семантическую части. Смысловыми элементами языка у Панини являются корни, аффиксы и именные основы (1.2.45), правила об образовании слов исполняются при условии смысловой связи или валентности (2.1.1). Грамматика Панини строится на принципе обобщения, выделения общего и отличного [2, с. 401]. Применительно к смысловым условиям это дает возможность рассматривать семантический уровень отдельно, абстрагируясь от формальной репрезентации. Это также предполагает целостное представление семантики, что и сегодня составляет одну из ключевых проблем лингвистики. Хотя грамматике Панини посвящены многочисленные научные исследования [3], семантика Панини остается сравнительно мало исследованной [2].

В ряде правил 1.2.51-57 проблема смысла слова рассматривается Панини с точки зрения критерия денотации. Прямым назначением этих правил является исключение из науки речи области не подлежащего наставлению (*a-siṣya*). Их обобщение, однако, наоборот, позволяет выделить область предмета и назначения вйакараны. Существует две аргументированные интерпретации первого из указанных правил (*lupi yuktavat vyakti-vacane 1.2.51*), и в зависимости от принятия одной из них несколько меняется понимание последующих. Согласно традиционному объяснению, источником которого являются вѳрттики Катйайаны, слова *vykati-vacane* означают “род и число” (*līṅga-saṅkhye*) [4, 1,226.20] и являются терминами предыдущих наставников [5, 1.2.51]. Согласно интерпретации, предложенной Хельмутом Шарфе, слова *vykati-vacane* означают “называние отдельной формы” [6, 241]). Интерпретация Шарфе представляется нам более аргументированной, однако, принятие другого объяснения существенно не влияет на основные выводы работы.

В правилах 1.2.53-55 Панини говорит о мере или причине смысла (*arthasya pramāna*) слова, называя два критерия значения – *yoga* (‘связь’)

і *saṃjñā* ('общее знание, конвенция'). Называние (*vacana*) индивидуальной формы (*vyakti*) может происходить по причине связи с родовой формой (*jāti*) или по причине конвенции, общего знания, результатом которой является индивидуальное имя (*saṃjñā*). Поскольку причиной исключения из области науки является критерий конвенции, именно он (*saṃjñā-pramāṇa*) определяет границы науки речи, внутри которых находится критерий связи (*yoga-pramāṇa*). В границах критерия связи называемое получает свое название до тех пор, пока существует связь с родовым смыслом, и теряет свое название при исчезновении связи. В границах критерия конвенции знак закрепляется за вещью как ярлык. В области наставляемого оказывается названия родовых, универсальных форм (*jāti*), в связи (*yoge*) с которыми свое название получают индивидуальные формы.

Первоэлементами системы словообразования Панини являются корни, смысл которых составляет действие. От них образуются производные элементы: корни, глаголы и основы имени при условии смысла актантов (деятели, объекта, средства, места, адресата, отправной точки действия) или модифицирующего действия. Смысловым условием именных окончаний также главным образом является смысл актантов. Смысл вторичных аффиксов и сложных слов сводится к сокращению словосочетаний. Таким образом смысл всех высказываний, образованных по правилам Панини, в принципе может быть развернут и представлен как действие и его участники, актанты. Слово в грамматике Панини имеет "внутренний", деривационный смысл и смысл словоупотребления. Именно это этимологическое значение и является родовым, в связи с которым индивидуальная форма получает свое название.

В правилах 1.2.56-57 Панини отказывается от смысловых определений (*artha-vacanam*) таких терминов как аффикс (*pratyaya*), главная (*pradhāna*) и второстепенная (*upasarjana*) части сложного слова, а также от определения категорий времени (*kāla*) на основании того, что смысл имеет другую меру или причину (*anya-pramāṇa*). Джайадит̣йа в *Kāśikā-ṛtti* объясняет это таким образом: "Называние словами предметов происходит из их самобытия, а не из договора" [5, 1.2.56]. Критерий договора (*paribhāṣā*) практически совпадает здесь с критерием общего, конвенционального знания (*saṃjñā*). Первичным же критерием же смысла называется "свое бытие" (*svabhāva*), т.е. природа слова-звука (*śabda*), которая определяется здесь как "выражение смысла" (*artha-abhidhāna*).

Связь звука-слова (*śabda*) и смысла-предмета (*artha*) в традиции вйākарапы считается обязательной и неотъемлемой (*nitya*). Так, Кāṭiyāна начинает свой комментарий труда Панини словами *siddhe śabdārthasambandhe* – "Исходя из того, что связь слова и смысла обязательна" [7, 10]. Патанджали объясняет *siddha* ('совершенный') как *nitya* ('вечный, неотъем-

лемый, внутренне присущий) [4, I,6.14]. Вечность связи (*yoga*) звука-слова и смысла подразумевает, что форма обязательно имеет смысл, а смысл обязательно является смыслом формы. Эта традиционная идея соответствия формы и смысла и является глубинным основанием связи как критерия денотации. "Другой мерой смысла" может быть именно мера связи. С другой стороны, отличием искусственных терминов (*saṃjñā*) от слов естественной речи, согласно Патанджали, является именно их "невечность", непостоянство [4, I,393.20].

Идея меры смысла имеет параллели в других школах индийской философии. Согласно философии нйайи и вайшешики связь слова и смысла является не извечной, но установленной: "Если *saṃketa* или конвенциональная связь устанавливается волей Бога, она постоянна и называется *abhidhā* или *śakti*. Если же связь непостоянна и установлена волей человека, она называется *paribhāṣā*" [8, с. 23]. Бхартрихари также обращается к этим двум типам связи: "*saṃketa* бывает двух видов, *ājānika* или постоянная, и *ādhunika* или современная, первая есть первичная вечная связь, в то время как вторая относится к техническим терминам с их специфическими и четко определенными значениями, сделанными авторами различных научных работ" [8, с. 23-24]. В позднейшей традиции вйākараṇы и мимāṃсы слова разделяются на четыре класса: "*yaugika* или деривативные, *rūḍha* или конвенциональные, *yogarūḍha* или деривативно-конвенциональные, *yaugikarūḍha* или те, что могут быть приняты как за деривативные, так и за конвенциональные" [8, 59]. Слово *yoga* в позднейшей традиции является синонимом этимологического смысла слова. Идея выделения первичного, этимологического смысла (*yoga*) и вторичного, договорного, надстроенного смысла (*rūḍhi*, *saṃjñā*) хорошо известна почти всем школам традиционной индийской мысли.

Идея меры смысла (*artha-pramāṇa*) в грамматике Панини имеет, таким образом, четыре аспекта: 1) отношение называния к универсальной (*jāti*) или индивидуальной (*vyakti*) форме; 2) постоянство, неотъемлемость (*nitya*) и непостоянство, условность (*anitya*) связи (*yoga*) знака и денотата; 3) деривативное, этимологическое и конвенциональное, договорное основание значения; 4) первичное, главное и вторичное, надстроенное, исключительное значение. Выделение критерия денотации закладывает основу архитектуры грамматической системы Панини, что позволяет считать идею меры смысла одним из принципов организации семантического уровня грамматической системы Панини и одним из фундаментальных концептов древнеиндийской лингвистической традиции.

Литература

1. Scharf, P.M. Levels in Pāṇini's Aṣṭādhyāyī / P.M. Scharf. – Mode of access: <http://sanskrit.uohyd.ernet.in/Symposium/papers/scharf.pdf>. – Date of access: 16.11.2012.
2. Cardona, G. Pāṇini: His Work and It's Tradition, Volume One. Second Edition / G. Cardona. – Dehli: Motilal Banarsidas, 1997.
3. Cardona, G. Pāṇini: A Survey of Research / G. Cardona. – Dehli: Motilal Banarsidas, 1997.
4. Patañjali. Vyākaraṇamahābhāṣya / Patañjali. – Mode of access: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sanskr/6_sastra/1_gram/pmbh_1su.htm. – Date of access: 16.11.2012.
5. Jāyāditya, Vāmana. Kāśīkāvṛtti / Jāyāditya, Vāmana. – Mode of access: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sanskr/6_sastra/1_gram/jvkasixu.htm. – Date of access: 16.19.2012.
6. Scharfe, H. Vacana "Numerus" bei Pāṇini? / H. Scharfe // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung 79 (1965): 239–46.
7. Sharma, R.N. The Aṣṭādhyāyī of Pāṇini, Volumes 1-6 / R.N. Sharma - Delhi: Munshiram Manoharlal, 1990.
8. Raja, K. Indian Theories of Meaning / K. Raja. – Madras, The Adyar Library, 1969.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ СЛОВ В ЯПОНСКОЙ ДЕТСКОЙ СКАЗКЕ

Дементьева О.И., аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ

Японский язык как никакой другой богат оноματοпоэтической лексикой, что особенно ярко проявляется в художественной литературе, а в частности в детской сказке, которая представляет собой отражение действительности и в то же самое время поучительное фольклорное произведение, несущее в себе мудрость поколений. Не зря здесь можно встретить множество примеров оноματοпоэтики, т.к. посредством сказки детям с раннего возраста передают жизненный опыт, а простой и задорный язык в сочетании порой с фантастическими историями помогает добиться желаемого результата.

При всей своей красоте и занимательности оноματοпоэтическая лексика представляет особую сложность для переводчиков из-за отсутствия эквивалентов в русском языке. Вот несколько наиболее ярких и показательных примеров.